

Эпизод \[88й]////
ГИБЕЛЬ БОГОВ

- >> Портрет в интерьере: лейтенант Трошин *(продолжение)*
- >> Цугцванг командира экипажа
- >> «Я ваша ошибка, профессор!»
 - >> В этом дерьме невинных не бывает
- >> Размышления об авторитете лётчика-инструктора
- >> Маленький предел для ошибки
- >> Опыт, вина, ошибка – в афоризмах и диалогах из кино *(продолжение)*

14 июня 1972 г. (среда)

Etiam sanato vulnere, cicatrix manet¹

ПОРТРЕТ В

ИНТЕРЬЕРЕ

- >>
- Лейтенант Трошин
- <<
-

(продолжение)

□□□□ *Нам остаётся молчание!*

Из эпоса «Гибель богов»

<<••>>

□□□□ — Почему мы никогда не можем всего узнать про другого, когда это надо, когда этот другой виноват!..

Фёдор Михайлович ДОСТОЕВСКИЙ, «Идиот»

<<••>>

— Я могу ошибаться, но это не повод перестать думать вообще!

Из англ. худ. сериала «Доктор Хаус»

После караула я успеваю попасть на предварительную. Конечно, с надеждой на недолгую опалу и что, может, хоть что-то запланируют. Ведь мой инструктор, зная подоплеку, вступится, обязательно вступится за меня, своего курсанта! Ведь мы – один экипаж, как поётся в песне, «одна семья»...

— Разрешите войти?

— Заходи! — кивает командир экипажа.

Но было видно: моему появлению Трошин почему-то не рад, скорее, воспринимает, как неизбежное.

Я прохожу и усаживаюсь на своё место.

Батя, сидя за своим столом, проводил разбор прошедших без меня полётов.

— Передышко... — Шурик внимает словам Бати по-домашнему, сидя, не делая усилий подняться. — Подходишь к посадочным знакам на повышенных скоростях. И не надо так шуровать РУДом на посадке. Это же двигатель. Ясно, да?.. Самойченко... Во втором полёте посадка с высокока. Исправил грамотно. Чего садишься с высокока? Может, на посадке смотришь через лобовое стекло? Поймай себя на этом. В третьем полёте посадка с плюхом, не долетая до посадочных знаков. За скоростью следи. Чтобы к высоте выравнивания была не ниже 200... Журавлин... В полёте со мной в зону не виражи, а какие-то пилы: высота – плюс-минус 200 метров...

«Ни хрена себе – туда-сюда 200 метров на вираже! Аж 200! А у меня тютелька в тютельку!» — успеваю подумать я.

— ...Это никуда не годится. Пора бы научиться пилотировать почище и укладываться в нормативы «удовлетворительно»... На кругу во втором полёте снова после выпуска шасси забыл дать обороты, потерял скорость до 210...

«Я таких ошибок – спасибо Хотееву – дааавно уже не допускаю!»

— ...Отработай на тренаже: нажал кнопку выпуска шасси и сразу добавь обороты. Пока не увлётся пилотированием и не забыл...

Все сидят, записывают разбор в свои рабочие тетради. Я не пишу, мне писать не надо, я «летал» в карауле.

Лейтенант полистал свой рабочий блокнот.

— Ну и Кручинин... Встань, когда с тобой разговаривают!

Так, понятно! Начинается перево.

Делать нечего, поднимаюсь с видом бредущего на эшафот. Кажется, нас сейчас

будут ставить раком! Как интересно, что он будет говорить!

— ...На предыдущих полётах сделал вираж на кругу в районе третьего разворота...

— На траверзе ВПП, — уточняю я.

«Не мельтеши!»

— Да, на траверзе полосы... Ну, кто тебя так учил делать? — тихо, совершенно невыразительно проговорил Трошин.

Шшшто?

Чувствую, как у меня задрожали губы. Я удивлённо посмотрел на инструктора. Затем на экипаж — сверху вниз: они слышат то же, что и я? Даже обернулся назад, на пустые столы и стулья класса: может, здесь сидит кэээ Хотеев, или комэск, а я их никого не заметил? Но кроме нас, в аудитории никого посторонних не было!

Я чуть развёл руками и затем они безвольно опустились вдоль туловища — что можно толковать по всякому.

Я не понимал, зачем он меня **это** спрашивает!

Наступила неловкая пауза. Инструктор своих глаз на меня не поднимал, смотрел в свои записи и молчал.

Я молчал тоже. Вовка, Витя и Шурко не поднимали голов от своих тетрадей. Никто не мог посмотреть друг другу в глаза.

Я понял: все ждали, что я скажу. Но все знали, **что** я могу сказать, ибо ответ витал в воздухе. Тогда зачем задавать

такие

вопросы? Для кого? Ведь посторонних в классе не было!

— Я жду ответа! — тихо, но с нажимом проговорил Валерий Иванович.

Я молчал, полагая, что, в конце концов, командир экипажа, наш воспитатель, сам переведёт разговор в другую плоскость и мне не понадобится, унижая себя, врать.

— Нннну! — здесь уже слышалась угроза.

И тут я начинаю смекать, что это ошибка только моя, а Трошин просто решил остаться чистеньким в глазах экипажа и даже... моих глазах! И прогремел гром. Я почувствовал, как с неба закатывается звезда. У меня на глазах рушился авторитет человека, которого я почитал, очень уважал. Передо мной погибал бог, и, возможно, не один...

Тогда тоже тихо, но разделяя каждое слово, я проговорил:

— Товарищ лейтенант!.. Вы... я... и весь экипаж... знаем, кто... меня... **этому** научил! Зачем вы требуете... от меня ответа, который... все знают? Ведь это же... больно! Неужели вы... не чувствуете чужой боли?

Я смотрел на Батю... нет, на инструктора. Он, коротко глянув на меня, всё же отвёл глаза.

— Я тебе говорил, что у тебя когда-нибудь такое будет... Я тебя предупреждал... — он начал путаться, затем поправился. — Вернее, я тебе говорил, что у тебя в привычку вошло — выпускать шасси на втором развороте. Говорил я тебе это? Да? Говорил?

Наш командир экипажа всегда добивается ответа на свои вопросы. Даже когда они, ответы, известны заранее. И эта его манера начинала раздражать.

— Говорил? Чего молчишь, как сыч? Отвечай.

До меня доходит, что он ни черта не знает! Он полагает, что это меня догнали и со мной сблизилась из-за моего раннего выпуска колёс. Но тогда зачем я, именно я полез бы в вираж?

— Да. Но на этот раз... Если бы я выпустил шасси после второго разворота, сближения не произошло бы! Это они выпустили шасси сразу после второго. А я этого не знал!

Трошин будто не слышит.

— Вместо того чтобы уйти на второй круг, ты что делаешь? Вираж. Вираж! А дистанцию до впереди летящего самолёта всегда добирают за счёт первого разворота. Только за счёт первого! Учил я вас так? Не второго, не третьего, а первого! Затягивать второй, третий развороты запрещается! Не обеспечил заданный интервал сразу после первого, значит, от второго к третьему иди «змейкой». Дистанция не увеличивается – уходи на второй круг!

— Ясно, товарищ лейтенант! Но, товарищ лейтенант, в том полёте я сделал то, что считал тогда нужным. Мне некогда было размышлять, товарищ лейтенант. Я не знал, видит ли меня 22й, не летит ли он сам и что у него на уме. Мне тогда было не до этого, товарищ лейтенант.

— Но ты сделал вираж с креном 60 с выпущенными шасси. Ты мог потерять скорость и свалиться в штопор!

«Это он не знает, что временами крен был под 80! Чтобы сейчас было! Полный пипец! Карфаген! Извержение Везувия! Пепел Помпеи! Гибель Атлантиды! Ну и не говори! Зачем бередить хрупкую инструкторскую психику?..»

— Товарищ лейтенант, я сразу увеличил обороты до максимала, поэтому скорость не потерял. И не утратил ни одного метра высоты! Недаром же мы выполняли эти виражи в зоне! А здесь у меня получилось даже лучше, чем с вами в контрольном полёте, товарищ лейтенант!

— У тебя опыт лётной работы небольшой, могло не хватить внимания. И свалился бы в «штопер»!

— Но ведь не свалился, товарищ лейтенант! — и, видя, что мой ответ инструктору не понравился, быстро добавил: — Тогда я об этом не думал, товарищ лейтенант! Для меня было главным – не столкнуться с 22м, товарищ лейтенант!

Тут же подумал:

«Не нагнетай! Не нагнетай! Что ты его всё время дёргаешь по званию? Мягче! Мягче! Переведи разговор на другое!»

Перевожу, но остановиться с «воинской вежливостью» не могу:

— И потом вы, товарищ лейтенант, внушаете мне то, что я уже понял, ещё когда увидел за собой два других самолёта. Себе-то я дистанцию установил, а других, что шли за мной следом, поставил в глупое положение, в каком перед этим оказался сам по отношению к 22му, товарищ лейтенант!

— Вы ещё не вылетели в зону на простой пилотаж не то, что на малой, даже на средней высоте!.. Если ты имеешь в виду тот случай, с моим товарищем Петей, то мы тогда уже летали самостоятельно парами и отработали пилотаж в зоне на малых высотах. А ты не подготовлен!

«Мгм! Я не дам тебе такой возможности – оправдаться в наших глазах! Даже условно!»

— Означает ли это, товарищ лейтенант, что вираж в районе третьего разворота для увеличения дистанции до впереди летящего борта можно делать... подготовленным курсантам к пилотажу на малой высоте или лётчикам?

Мои товарищи, пряча свои улыбки, склоняются ещё ниже к своим тетрадам. Это не

осталось без внимания Трошина.

— Здесь вопросы задаю я, Кручинин!

«Ах, даже так! Ну, как знаете, гражданин начальник! Сейчас вам придётся слегка пожалеть, что вы сказали это!»

— Простите, что я вас не понял, товарищ лейтенант! А мне, курсанту, если что-то неясно, нельзя у вас, своего лётчика-инструктора, спрашивать? Товарищ лейтенант, со своими кому-то «неудобными» вопросами мне следует подходить к командиру звена или комэске?

На скулах Трошина заиграли желваки. Он, отменный шахматист, явно загонял себя в цугцванг².

— Мне говорили, что ты – наглец, сейчас я вижу: это так! — тихо проговорил он.

Вытягиваюсь в строевую стойку и тихо, но нажимно:

— Я – не наглец, товарищ лейтенант!

— Хорошо. Я скажу... Если до тебя ещё не дошло... Никому... нельзя... выполнять... виражи на кругу! Ты это от меня хотел услышать, Кручинин?

О, с каким трудом давалось ему каждое слово! И я понял, что этого разговора мне не простят никогда.

— Да, товарищ лейтенант!

— Но это я делаю не только для тебя, но и для них! — инструктор кивнул на Передышко, Самойченко и Журавлина.

— Теперь понятно, товарищ лейтенант! — проговорил я, переводя дыхание.

— Садись! Тебя отстранили от полётов.

— Кто, товарищ лейтенант?

— Как, «кто»? Что тебе говорил капитан Хотеев?

— Он сказал, что меня отстраниЛИ на месяц, товарищ лейтенант. Я подходил в тот же день к РП и просил наказать как угодно, но дать возможность летать. Капитан Федорцев ответил, что если я подошёл к нему сам, то меня не отстранят, товарищ лейтенант.

— Ладно. Я спрошу.

— Спросите, пожалуйста, товарищ лейтенант!

«Значит, всё-таки отстранил меня кэээ! Почему же они все говорят, что меня отстранил кто-то, в неопределённой форме?»

И экипаж (кроме меня, конечно) перешёл непосредственно к предварительной подготовке к полётам на завтра.

Надо было встать и уйти. Но в казарму идти не хотелось. И я остался с нашими в классе до конца предварительной подготовки.

...Когда Трошин вышел из класса, Вовка обратился ко мне:

— Зачем ты его рвёшь, заставляешь признать то, что он хочет итак побыстрее забыть? Издеваешься над ним, подчёркивая, что он лейтенант? Почти в каждой фразе! Противно ведь!

— А тебе не противно, что он задаёт вопрос, кто меня научил для отставания выполнять вираж на кругу?

— Противно! — поразмыслив, ответил Журавель.

Он бросил ручку на тетрадку, откинулся на спинку стула и, поглядывая на меня, стал щёлкать костяшками суставов.

— А чего ты хотел? Чтобы он рванул без оглядки с покаяниями к командиру эскадрильи и выставил себя дураком в глазах начальства?

— Я хочу, чтобы он из меня дурака не делал, хотя бы в нашем экипаже, и не задавал глупые вопросы!

— Вираз на кругу заломил? — улыбнулся Витька. — Значит, дурак!

— Ты прав, — согласился я. — Дурак, что доверился своему инструктору! — И, помолчав, добавил: — Господи, а кому же тогда верить-то? Мы же учимся летать! Ещё ж ни черта не знаем!..

— Бл*дь! — Передышко посмотрел в окно. — Батя тоже хорош! Всего ожидал я на разборе, но только не этого! Когда он тебе задал тот вопрос... меня аж передёрнуло!.. И я уже знал, что ты ему это просто так не спустишь!..

— Шурко! Трошин – всё-таки наш лётчик-инструктор! — говорит Журавель.

Помолчали. Саня встаёт, идёт к окну, приоткрыл форточку. Задумчиво глянул на плац. Продолжает:

— Инструктор-то, инструктор! Но ты же видишь, как всё в любой момент может обернуться! Вот теперь он что-то будет рассказывать, а я должен соображать: правильно так делать или потом это станет моей и только моей ошибкой?..

Вдогонку:

— ••>> — Я ваша ошибка, профессор! □ Из худ. к/ф-ма «Приключения Электроника»

Non omnia possumus omnes³ <<•>> Все можно объяснить. Георг ГЕГЕЛЬ <<•><•><•>> <<•>> Если бы у вас была масса свободного времени, чем бы вы занялись?

□□□□□ — Перевернул бы мир с ног на голову и обратно, и посмотрел бы как в реальной жизни человечество блюёт друг на друга... Кто-то из современников <<•><•><•>> <<•>>

У истины есть сила убеждения, которой не обладают ни ошибки, ни ложь.

Анатоль ФРАНС

<<•><•><•>>

<<•>>

Чтобы вскарабкаться наверх, надо сложить крылья.

Станислав Ежи ЛЕЦ

<<•><•><•>>

<<•>>

*И на ж*пе – бант большой.*

□□□□□ Тоже сделано с душой. NN <<•><•><•>> <<•>> А на ж*пе – бант большой.
□□□□□ Нае*али... Но с душой! NN <<•><•><•>> <<•>> — Откусишь с одной стороны
– подрастёшь, с другой – уменьшишься...

□□□□□ — С одной стороны чего? И с другой стороны чего?!

□□□□□ — ГРИБА!!! □ Льюис КЭРРОЛ, «Алиса в стране чудес» <<•><•><•>> <<•>> Ч
его больше всего хочется, когда влезает наверх? Плюнуть вниз.

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

<<•><•><•>>

<<•>>

— Я гляжу в небо только тогда, когда хочу чихнуть.

Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ, «Отцы и дети»

<<•><•><•>>

<<•>>

— Ты думаешь, начальство-то спит? Нет, брат, оно одним глазком дремлет, а другим поди уж где видит!

Михаил Евграфович САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН, «История одного города»

<<•><•><•>>

<<•>>

— *Обыватель всегда в чём-нибудь виноват и потому всегда же надлежит на порочную его волю воздействовать.*

Михаил Евграфович САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН, «История одного города»

<<•><•><•>>

<<•>>

— *Солдатом быть, просто солдатом! Войти в эту общую жизнь всем существом, проникнуться тем, что делает их такими. Но как скинуть с себя всё это лишнее, дьявольское, всё бремя этого внешнего человека?*

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ, «Война и мир»

<<•><><•><><•>>

Ad futuram memoriam

4

ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ

••

>>

Лейтенант Трошин

<<

••

(продолжение)

— *В этом дерьме невинных не бывает. Ясно?*

Из америк. худ. к/ф-ма «Совокупность измены»

<<••>>

— *Виноватым себя чувствуешь?*

— *Я сделал всё верно!*

— *Это утешает!* Из америк. худ. сериала «Доктор Хаус»

••>> Прошло много-много времени. И я, прослуживший в ВВС не один десяток лет, имеющий налёт на боевых истребителях около полутора тысяч часов, до сих пор не понимаю, как командир экипажа смог задавать тот вопрос и главное, требовать на него ответа! Ведь его никто за язык не тянул! Этим он подрывал уважение к самому себе не только Кручинина – всего экипажа! Неужели лётчик-инструктор этого не понимал? Или он думал, что это – пустяк?

Не знаю! Я до сих пор этого не знаю, мои верные читатели!

Однако пытаюсь понять, чего Валерий Иванович хотел этим достичь? Ведь можно было **этого** момента просто не касаться! Что это, педагогическая неопытность, человеческая бестактность, командирское равнодушие, неумение просчитать ситуацию вперёд? Ну, ладно, время пройдёт, Кручинин снова начнёт летать... Но ведь ни он, ни его товарищи **этого** не забудут! Не забудут, что лейтенант Трошин смалодушничал и не только не вступился за своего курсанта, но изощрённо пытался выяснить, помнит ли он, кто его научил действиям, которые потом будут считаться серьёзной ошибкой!

Давайте вернёмся к тем лейтенантским поучениям ([эпизод 85й](#)

[«Наставления “шефа”»](#);

). Ведь никто из курсантов и в мыслях не допускал, что при сближении самолётов на кругу, можно выполнить вираж! Даже с их лётной неопытностью ответы экипажа своему инструктору на ту вводную были правильными:

следует уйти на второй круг (Кручинин), затянуть третий разворот или уйти на второй круг (Передышко), выполнить «змейку», затянуть третий и уйти на второй (Самойченко). А лейтенант, будем называть вещи своими именами, фактически высмеял их неопытность, дал понять, что их решения неверны и запугал, что такие действия чреваты попаданием в журнал РП. Внушил, что для занятия положенной дистанции до впереди летящего самолёта, выполнение виража на кругу в районе третьего разворота не только приемлемо, но и во всех отношениях грамотно и он, лётчик-инструктор, будет

доволен своими подчинёнными, если они в такой ситуации сделают то же самое!

Я много раз ставил себя на место Трошина. И так подходил к этому, и так. Но мне кажется, для авторитета инструктора... Ну, ладно! Рассказал он по своей лейтенантской глупости ли, командирской неопытности ли о том, как его друг курсант Пётр Севастьянов (фамилия подлинная) для отставания от другого борта выполнил вираж на кругу. Тем самым у своих курсантов инструктор создал стереотип поведения в нестандартной ситуации. И тут же, через некоторое время, это повторил его собственный курсант! Будем реалистами! Никто ведь от него, лейтенанта, не требует «подвига», чтобы тот шёл к комэске, каялся и признавался в своей педагогической оплошности! **Но защитить своего курсанта, совершившего ошибку по вине его, инструктора, он ведь мог!**

Ходить, доказывать, что первопричина сближения его подчинённого с другим самолётом – это, прежде всего, выпуск шасси 22м в неустановленном месте!

Что нельзя отстранять от полётов парня за эту ошибку! Что он только-только вылетел самостоятельно!

Что отстранение от полётов – это не метод борьбы с курсантскими ошибками!

Что назначение его подчинённого в караул и во внутренний наряд не обучат курсанта правилам осмотрительности и грамотному принятию решения в воздухе!

Что отстранять от полётов можно и нужно, ну там, за пьянство, грубость с командирами, воздушное хулиганство, нарушение полётного задания – то есть в случаях проявления преднамеренной недисциплинированности! Здесь это сыграет воспитательную роль не только в отношении этого размазня, но и ему подобных.

Но этот случай под недисциплинированность не подходит!

Однако знать, что твоего курсанта выдрали и отстранили от полётов, за ошибку, которой научил его ты, и даже пальцем не пошевелить для того, чтобы восстановить справедливость? А потом на разборе спрашивать и так уже потерянного курсанта – кто тебя этому научил?..

Не понимаю!

Как же можно потом смотреть в глаза своим подчинённым, что-то с них требовать (честности, к примеру) и спокойно продолжать с этим жить?

Не знаю, друзья, не знаю! (Эти последние слова я произношу сейчас шёпотом...)

В настоящий момент полковник Трошин уже на заслуженной пенсии. Обучил множество курсантов лётному делу, честь ему и хвала за это! Насколько мне известно, был он и командиром звена, и комэской, и старшим инспектором-лётчиком, закончил ВВА им. Гагарина... Мы с удовольствием предоставим страницы нашего сайта для его объяснений (если он найдёт в себе мужество), пусть даже под псевдонимом, или заметок его товарищей-инструкторов. Вот только, мне кажется, сказать полковнику Трошину будет нечего, кроме того, что у нашего командира экипажа тогда подходил срок на присвоение воинского звания «старший лейтенант». А курсант? Да чёрт с ним, он выдержит всё...

Кстати, до сих пор не могу понять, почему за сближение самолётов на кругу не спросили по полной с самой группы руководства полётами, руководителя зоны посадки, например? В то время перед РП не было экранов локаторов, а вот офицер РСП заметить сближение обязан и своими командами или даже просто информацией о дистанции до впереди летящего самолёта мог предотвратить развитие ситуации в нежелательном направлении. Ведь РСП обеспечивает полёты неопытных курсантов, а у

них всё может случиться! И осмотрительности они только обучаются. Но руководитель зоны посадки так ни одной команды в те минуты и не подал!

Почему командир звена и замкомэска (РП), зная о выпуске шасси 22м в неустановленном месте, что и привело к сближению самолётов двух курсантов на кругу, не подвергли тщательному разбору действия Степана Липодецкого, который, между прочим, летел со своим лётчиком-инструктором Июмским, и не спросили с лейтенанта за обучение выпуску стоек в неполюженном месте (сразу после второго разворота)?

А ведь это всё в авиации называется *профилактика* лётных происшествий и предпосылок к ним, и такой разбор со всеми курсантами мог бы научить остальных начинающих пилотов! Степан Липодецкий, добавим, и в контрольных, и в самостоятельных полётах и дальше преспокойненько выпускал шасси сразу после второго разворота, уменьшая скорость полёта до 250 км/ч, создавая проблемы другим самолётам, идущим за ним, тогда как на этом участке по установленной схеме все должны выдерживать скорость 300! И однажды в точно такой ситуации, как у меня, с ним сблизился Саня Паландин, вошедший в круг после зоны. Правда, не до таких расстояний, как я, просто опыта у нас уже было побольше и Паландин самолёт Липодецкого вовремя заметил. Саша, обеспечивая себе дистанцию, своевременно отошёл во внешнюю сторону круга, а затем затянул выполнение третьего разворота. Может, таких случаев сближения на кругу с самолётом Степана было больше (не исключаю, не исключаю), но я знаю только два – мой и Паландина...

А я впрямь, если мне после входа в круг полёта или взлёта давали инфо следовать за 22м, наученный горьким опытом и зная «особенности» в выпуске шасси этого курсанта не на траверзе ВПП, а сразу после второго, всегда затягивал первый разворот и строил полёт по кругу много шире, установленного схемой.

...Возможно, кто-то, прочтя эти заметки, подумает:

«Ну вот! А не было бы в экипаже у Трошина курсанта, который вёл подробный дневник, и всё бы сейчас было шито-крыто!»

Полагаю, что поведение командира, начальника, тем более, лётчика-инструктора по отношению к своим подчинённым (в данном случае курсантам) должно быть таким, будто каждый его (командира) шаг заносится в Книгу Вечности! Тогда и только тогда не будет стыдно за свои поступки, решения, свою прожитую жизнь... <<••

